

РЕЦЕНЗИИ

УДК 130.2

ПО ТУ СТОРОНУ ПРИКАЗА. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ДЖ. АГАМБЕНА ЧТО ТАКОЕ ПОВЕЛЕВАТЬ? М., 2013. – 72 С.

А.М. ДМИТРАКОВ

*Белгородский
государственный
институт искусств
и культуры*

e-mail: dmitrakov@bk.ru

Джорджо Агамбен достаточно известен русскоязычному читателю по циклу книг, посвященных проблеме *Nomo sacer*¹. В них он также занимался исследованием археологии повеления. *Nomo sacer*, как вытесненный объект власти, был прослежен от Античности до современности и определен в пространствах от античного полиса и его правового поля, до современного города и его режимов биополитики. И в них также большое внимание уделялось этимологии слов, которые использовал автор. Анализу смысловых нюансов и изменению смысловых контекстов.

Однако при всей схожести эта небольшая работа имеет существенное отличие. В ней автора интересует то, что находится «по ту сторону приказа». Или, говоря иначе, Дж. Агамбен задается вопросом «что такое повелевать?», а не кто такой тот, кто повинуется. Уже в этом вопросе Агамбен сталкивается с парой затруднений, поскольку археология повеления и вопрос об истоке самого приказа затрагивают проблему начала. Археология как поиск *arche*, обращается к началу, тогда как само *arche* есть не только «начало», но также «повеление», «приказ». Отсюда очевидное пересечение смыслов начала и повеления, когда быть в начале означает повелевать и наоборот, повелевать значит быть первым. И своеобразное «генетическое» противоречие здесь только видимое, поскольку акт повеления всегда есть акт начала и наоборот, разделения между ними не происходит. Агамбен поясняет этот тезис ссылкой на христианскую трактовку творения, когда Бог не только творит мир своим повелением в начале, но делает это непрерывно, поддерживает существование, творит ежесекундно актом своей воли. Управление и начало неразрывно связаны и не только в религиозной традиции, но также в философии и гуманитарных науках вообще, в которых основание продолжает определять, то есть править и после основания. Итог, к которому приходит Агамбен в том, что: «Для повеления не существует *arche* так как само повеление и есть *arche* — или же оно, по крайней мере, располагается в месте истока»².

Другое затруднение, помимо этимологической апории самой археологии повеления, затрагивает практически полное отсутствие философской традиции повеления. Сре-

¹ Агамбен Дж. *Nomo sacer*. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011., Агамбен Дж. *Nomo sacer*. Чрезвычайное положение. М.: Изд-во «Европа», 2011., Агамбен Дж. *Nomo sacer*. Что остается после Освенцима. М.: Изд-во «Европа», 2012.

² Агамбен *Что такое повелевать?* М., 2013. - С.29.

ди проблем причин, по которым люди повинуются власти и восстают против нее, условий реализации власти и прочего, вопрос о природе самого повеления остается нерешенным. Проблема повиновения перевешивает проблему повеления, которая остается в тени первой. Вместе с тем, Агамбен предлагает считать именно ее главной, поскольку власть для него, прежде всего, сводится к повелению: «Всякий раз, когда власть оказывается на грани разложения, пока кто-нибудь отдаёт приказы, всегда найдётся также кто-нибудь — пусть даже один-единственный — кто будет повиноваться командующему. Власть перестаёт существовать лишь тогда, когда отказывается отдавать приказы»¹. Власть здесь предстает своеобразной машиной производства приказов, то есть предписывающих выражений. В анализе этой лингвистической формы Агамбен обращается к Аристотелю, который относит такие высказывания к бессодержательным, то есть не отражающим реально существующего бытия. Иначе говоря, императив не несет значения истинности или ложности по причине отсутствия закрепленного за ним содержания или бытия, конкретной сути. Однако он предписывает нечто или вызывает, можно сказать взывает к бытию, которое должно произойти, совершиться. Приказ подразумевает не то бытие, которое есть, но то, которое должно быть. Отсюда гипотеза Дж. Агамбена: «В западной культуре существуют две отчётливо выделяемые и в то же время не лишённые взаимосвязи онтологии: первая, онтология апофантического высказывания, выражается — по своей сути — в индикативе; вторая, онтология повеления, выражается — по своей сути — в императиве. Мы могли бы назвать первую «онтологией estī (форма третьего лица индикатива глагола «быть» в греческом языке), а вторую — «онтологией esto» (соответствующая форма императива)»².

Агамбен говорит о разделении, проходящем не только в языке между высказываниями, имеющими содержание и предписывающими высказываниями. Это также разделение самой реальности разделенной на две сферы, первой из которых соответствует философия и наука, а второй право, религия и магия. Последние характеризуются тем, что выстраивают отношения с миром через язык императивов. А сама философия, которая занята аналитикой онтологии, должна иметь в виду двойной ее характер: «... западная онтология, в действительности, представляет собой двойную или биполярную машину, в которой полюс повеления, который на протяжении столетий — в античную эпоху — оставался в тени высказывающей онтологии, начинает в христианскую эру приобретать исключительную важность»³. Собственно эта биполярность объясняет отсутствие философской традиции повеления, поскольку античность была к нему не чувствительна, а начиная с эпохи христианства так сказать праксис повеления преобладал над критическим его рассмотрением.

Важен также исторический аспект, на котором настаивает Дж. Агамбен. Он заключается в замещении «онтологии утверждения», берущей начало в античности, «онтологией повеления». И это утверждение несколько расходится с привычным нам приоритетом рациональности мышления и научно ориентировано мира в целом. Агамбен же ведет речь о некотором неявном влиянии вытесненной онтологии повеления на современность: «Выражаясь языком психоанализа, в своего рода возврате вытесненного религия, магия и право — а вместе с ними всё поле неапофантического дискурса, до сих пор отбрасывавшегося в тень — на самом деле тайно управляют функционированием наших обществ, притязаящих на то, чтобы быть светскими и секулярными»⁴. Причем скрытые формы повеления «защиты» в саму структуру современного мира. Они имеют форму инструкций, самопринуждения, приглашения и часто «технологических диспозитивов». Последние выходят за рамки нашей критической рефлексии, поскольку целиком погружены в сферу кажущегося нам объективного содержания. Поэтому они связаны с парадоксом, когда то, что распознается как повеление самого субъекта, на деле является его же повиновением и повелением машины.

¹ Там же. С.31-32.

² Там же. С.45-46.

³ Там же. С.47.

⁴ Там же. С.50.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011. – 256 с.
2. Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Изд-во «Европа», 2011. – 148 с.
3. Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима. М.: Изд-во «Европа», 2012. – 192 с.
4. Агамбен Дж. Что такое повелевать? М.: Изд-во «Грюндриссе», 2013. – 72 с.

**ON THAT PARTY OF THE ORDER. REVIEW
OF THE BOOK G. AGAMBEN WHAT IS TO RULE? M., 2013. – 72 P.****A.M. DMITRAKOV***Belgorod State Institute
of Art and Culture**e-mail: dmitrakov@bk.ru*